МИСТИЧЕСКИЙ ХОРРОР • ТРИЛЛЕР

ЖИЛЬЦЫ ПРОСТЕНКА

СТЕНЫ УЧАТ НАШИ ГОЛОСА НАИЗУСТЬ

СТАНИСЛАВ РУБИНОВ

Станислав Рубинов

Жильцы простенка

«Автор»
2026

Рубинов С.

Жильцы простенка / С. Рубинов — «Автор», 2026

Ноябрьский шторм на Белом море отрезает от материка мыс Ветреный и старый пансионат 1898 года, приговоренный к сносу. Плотник Глеб Корнев с девятилетним сыном Митей, инженером-лазерщиком и архивистом остаются на ночь под присмотром приветливой хозяйки дома. Но первые же обмеры выявляют странную аномалию: комнаты гостевого крыла на метр с лишним меньше фасада, а трехмерный сканер высвечивает за дубовой обшивкой скрытую галерею - и четыре неподвижных силуэта в двадцати сантиметрах за спинами людей.За потайными филенками и чертежами архитектора Линдстрема тянется сеть узких простенков, уходящая сквозь гранитный фундамент в доледниковую морскую расщелину. Во мраке под домом древний организм десятилетиями слушает дыхание и речь постояльцев, лепя из влажной извести пугающе точных двойников. Когда знакомые голоса начинают звать с разных этажей одновременно, Глебу предстоит отличить родного сына от безупречной копии и вырваться из дома, чьи стены уже выучили их наизусть.

© Рубинов С., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Лишние метры корпуса «Б» 6
Глава 2. Облако точек за обшивкой 9
Конец ознакомительного фрагмента. 12

Станислав Рубинов
Жильцы простенка

Глава 1. Лишние метры корпуса «Б»

Гранитная насыпь уходила в надвигающиеся сумерки узким серым клыком, рассекая свинцовые валы Белого моря. Ноябрьский шторм напирал с севера, швыряя в каменный парапет пригоршни соленых брызг. Пена кипела у подножия валунов, взлетая клочьями на студеном ветру, и водяная пыль оседала на сукне бушлата колючей коркой. Прилив уже облизывал нижние плиты кладки. До наступления ночи морская пучина неизбежно должна была перехлестнуть гребень дамбы, намертво отрезая мыс Ветреный от материка на добрых восемь часов.

Глеб Корнев придержал сына за плечо, помогая мальчишке одолеть широкую трещину в вековой брусчатке. Мите исполнилось девять: худой, востроносый, в ярком желтом дождевике-анораке с капюшоном, наброшенном поверх полосатого шерстяного свитера и темных джинсов. Из-под синей вязаной шапки с белым пушистым помпоном выбивалась каштановая челка. В левой рукавице мальчик бережно нес красно-серую рацию с короткой гибкой антенной. Второе парное устройство покоилось во внутреннем кармане отцовского бушлата, настроенное на четвертый канал связи.

- Держись середины дороги, Мить, - негромко произнес Глеб, щурясь от секущей крупы. - Камни ослизли водорослями, легко оступиться.

Мальчик понятливо кивнул, глубже пряча озябший нос в воротник анорака. Сзади шумно выдохнул Родион Клестов. Тридцатичетырехлетний инженер тащил защитный кофр со сканером, то и дело поправляя на переносье продолговатые безоправные стекла. Аккуратная рыжая борода блестела от влажных капель, а зеленая флисовая куртка надувалась парусом под резкими шквалами. В прорезиненном кейсе покоился трехмерный лазерный дальномер на складном геодезическом штативе и полевой защищенный ноутбук. Следом вышагивала Агата Стрельцова из городского краеведческого фонда. Ее короткое каре трепал яростный шквал с залива. Воротник горчичной шерстяной водолазки прятался под застегнутым суконным пальто, а под локтем архивистка несла герметичный тубус с копиями линдстремовских чертежей на промасленной полупрозрачной восковке.

Пансионат «Ветреный мыс» вынырнул из пелены внезапно, точно исполинский ковчег, выброшенный бурей на прибрежные скалы. Трехэтажное здание из дикого тесаного гранита и просмоленных бревен лиственницы венчали крутые щипцы кровель. Балтийский архитектор Каспар Линдстрем заложил этот приют в 1898 году над древним морским разломом, который здешние поморы именовали Нижней пазухой. Цинк на водостоках потемнел от соли, медные желоба покрылись налетом патины, однако за переплетами цокольных оконных рам уже теплился живой янтарный свет.

Широкое гранитное крыльцо укрывало путников от ветра. Окованная полосами железа дубовая створка отворилась прежде, чем Глеб успел коснуться дверного кольца.

На пороге возникла Зоя Марковна. В свои пятьдесят восемь лет смотрительница казалась на диво крепкой, широкоплечей женщиной: густая седая коса венчала ее голову опрятной тугой короной, поверх зеленой клетчатой фланелевой рубахи темнела бордовая стеганая безрукавка, а на поясе покачивалась связка ключей на стальном кольце с овальными жетонами комнат, чердака и кладовых.

- Ноябрь у нас дурной, но печь просохла, а чайник уже на конфорке. На втором этаже не шумите: балки еще старые, скрипят до рассвета.

Хозяйка отступила назад, впуская озябших гостей в сухое тепло. Внутри пахло сосновым варом, сушеным лесным чабрецом и пожелтевшими книгами. Медные трубчатые конвекторы постукивали у плинтусов, согревая просторный вестибюль устойчивым жаром котельной.

Тройные оконные переплеты надежно сдерживали бешенство ноябрьской бури, и рокот прибоя долетал сюда упругим гудением где-то глубоко под плитами фундамента.

Митя скинул резиновые сапожки, забрался с ногами в плетеное кресло возле круглого березового столика и обхватил ладонями фаянсовую кружку с горячим травяным чаем. Рядом лежал блокнот в клетку. Мальчик достал карандаш и принялся увлеченно чертить: на чистом листе возникла искривленная ветром прибрежная сосна, ветви которой сплетались цепкими крючьями, наподобие клешней морского краба. Пощелкав кнопкой рации, Митя проверил прием - из динамика донеслось мягкое шипение эфира.

Глеб смотрел на сына, тронув бледный рубец на правой скуле. Три года минуло с тех пор, как не стало жены, и забота о сыне сделалась для тридцативосьмилетнего реставратора главным смыслом жизни. В памяти всплыли тихие часы прошлого лета на загородной даче, запах речного клевера и безмятежное синее небо, но тревожить эти воспоминания вслух плотник не стал. Стены дома будто обладали странным свойством впитывать каждое неосторожное слово, разнося отзвуки по гулким перекрытиям.

- До заката меньше часа, - произнес Глеб, снимая флотский бушлат и оставаясь в плотном рыже-терракотовом свитере грубой вязки и черных рабочих штанах. - Родион, готовь сканер в коридоре. Я пройдусь с замерами по помещениям корпуса «Б». Надо сличить внутренние габариты с экспликацией Каспара Линдстрема.

- В чертежах зодчего указано восемь номеров второго этажа, - откликнулась Агата, разворачивая план на дубовой конторке и прижимая края пресс-папье. - Но взгляните на эту отметку: вдоль южной фасадной линии архитектор оставил загадочную помету «Слуховые интервалы». Никаких дверей или ревизионных люков, сплошная диагональная штриховка на плане.

Глеб вытащил складной стальной метр, включил карманный фонарик и направился к винтовой лестнице. Ступени из мореного дуба пружинили под подошвами ботинок, отзываясь едва слышным скрипом. Корпус «Б» располагался в глубине здания и считался наиболее изолированным крылом приюта. Здесь некогда селились постояльцы, искавшие совершенного покоя и отдохновения от ревущего прибоя.

Коридор второго яруса встретил его прохладой и тонким запахом воска. Стены снизу доверху покрывала высокая дубовая обшивка из темных точеных филенок. Дерево пригнано было столь искусно, что между плашками невозможно было просунуть тонкое лезвие ножа. Таблички с номерами комнат тускло отливали светлым полированным оловом.

Глеб прижал стальную планку метра к началу коридора возле двери двести один. Он двигался от одного косяка к другому, методично занося цифры в рабочий формуляр: ширина каждой гостевой спальни, толщина простенков из лиственничного бруса, отступы дверных коробок. Наружная протяженность фасада, которую мастер замерил снаружи здания перед входом, равнялась двадцати четырем метрам и восьмидесяти сантиметрам.

Карандаш методично выводил столбцы чисел. Когда плотник свел итог сложения, грифель остановился на листе.

Глеб проверил вычисления дважды, затем заново уточнил толщину смежных деревянных перегородок. Ошибки быть не могло. Внутренняя сумма всех жилых покоев крыла «Б» оказалась меньше длины наружной кладки на целых сто четырнадцать сантиметров.

Больше метра полезного пространства пропало без следа. Причем этот скрытый зазор не являлся дымоходом или вентиляционной шахтой: судя по расположению оконных проемов, незанятая полость тянулась неразрывным карманом вдоль всего гостевого крыла, зажатая между внешней каменной кладкой и дубовыми панелями спален.

Реставратор еще раз приложил стальной метр к стыку плинтуса. За деревянной обшивкой угадывалась какая-то неестественная глубина, будто комната была лишь тонкой театральной декорацией, подвешенной внутри огромной каменной коробки.

Снизу послышались мягкие шаги. По ступенькам поднялся девятилетний сын, держа рацию за поясную клипсу.

- Пап, смотрительница позвала ужинать, - тихо сказал мальчик, подходя ближе. - Там горячая картошка с сушеными белыми грибами.

- Сейчас сойдем вниз, Митя. Загляни на секунду в двести четвертый номер, проверь, плотно ли прикрыта форточка. Оттуда вроде тянет сквозняком.

Мальчик нажал резную ручку и толкнул филенчатую створку. Глеб шагнул вслед за сыном. Помещение оказалось строгим: узкая кровать с сеткой, круглый домотканый коврик, шкаф для белья и все те же сплошные дубовые панели по всему периметру. Воздух здесь казался застывшим, плотным, как в запечатанном трюме парусного брига.

Митя подошел к стене возле спинки кровати, посмотрел на темную древесину и негромко кашлянул в кулачок - обычный короткий сухой кашель от поднявшейся вековой пыли.

Глеб застыл с метром в руке.

Миновали три секунды настороженной тишины.

И вдруг из глубины стены, из-за полированного дуба, раздался отклик.

Это был точно такой же отрывистый подкашливающий хрип. Та же прерывистая нота, тот же детский надсадный тон, но только прозвучал он куда более сипло, влажно и страшно близко - будто некто затаился в узком простенке в пяти сантиметрах за доской, прижавшись к перегородке невидимым ртом.

Глава 2. Облако точек за обшивкой

К девяти часам вечера шторм окончательно отрезал мыс от внешнего мира. Высокая вода хлынула через гранитный парапет, затопив дамбу полутораметровым пенным валом. Теперь до самого утра, покуда не начнется рассветный отлив, пути на Большую землю не существовало. На дисплеях мобильных телефонов угасли последние полоски приема: антенны материковой вышки захлебнулись помехами, оставив на экранах лаконичное сообщение о поиске сети. Снизу, из каменных подвалов, сквозь толщу вековых лиственничных балок доносился упругий прибой. Море било в скальное подножие здания с мерным упорством гигантского молота, и каждый водяной таран отзывался в известняковом фундаменте низким содроганием.

Зоя Марковна принесла в гостиную глиняный горшок с пареной репой и сушеными лесными грибами. Смотрительница держалась молчаливо, лишь изредка бросая тревожные взгляды на темный потолочный настил. Поморы не любили этот утес: старики в прибрежных деревнях поговаривали, что доледниковый разлом под мысом, та самая Нижняя пазуха, дышит вместе с приливами, втягивая в себя студеную пучину и выталкивая наверх морозный сквозняк через расселины в граните. Дом Каспара Линдстрема высился над этой бездной уже второе столетие, будто деревянный колпак, накрывший древнюю расщелину.

В просторной комнате нижнего этажа потрескивали сосновые дрова в топке. Медные конвекторы мерно щелкали у плинтусов, разгоняя по углам настойчивый холод. Глеб сидел у огня, сняв бушлат и оставшись в теплом рыже-терракотовом свитере. На столе горела керосиновая лампа под зеленым стеклянным колпаком, бросая круг мягкого сияния на суконную скатерть. Митя примостился на широкой лавке рядом со смотрительницей, увлеченно листая атлас северных птиц. Красная рация мальчика покоилась на краю буфета, изредка подавая голос статическими шорохами эфира.

Агата разложила по полированной столешнице пожелтевшие чертежи зодчего, бережно прижимая углы ломкой восковки металлическими линейками. Архитектор прибалтийской школы, учившийся в Риге и Петербурге, отличался своеобразными представлениями об акустике жилья. Он утверждал в записках, что правильное здание обязано звучать наподобие органа или морской раковины.

- Взгляните сюда, - проговорила архивистка, обведя кончиком карандаша план второго яруса. - Линдстрем вовсе не стремился экономить полезную площадь. Мастер сознательно возводил постройку с двойным контуром перегородок. Старинный заголовок на полях гласит: «Слуховые интервалы и вентиляционные пазухи». Вдоль каждой гостевой спальни, позади изголовья кроватей и стен столовой тянется непрерывная галерея шириной чуть больше полуметра. В нее выходят трубки переговорных линий из олова и меди, но часть каналов открывается в свободные полости без всяких приемных воронок.

Глеб наклонился над восковкой, разбирая выцветшие немецкие экспликации, выведенные орешковой тушью.

- Зачем курортному приюту скрытые лабиринты такой протяженности? - негромко поинтересовался плотник, потирая небритый подбородок.

- Официальная бумага губернской комиссии утверждала, будто создавалась система тяги для просушки древесины от влажных испарений, - пояснила Агата, понизив голос. - Однако зимой 1924 года пансионат внезапно опечатали. В январскую метель без вести пропали две молодые горничные, Вера и Пелагея, заступившие на ночное дежурство. Пальто и платки девушек остались на вешалке в прихожей, но выходные двери были заперты изнутри на железный засов. Никаких отпечатков на свежих сугробах жандармы не обнаружили. Местные жители шептались, будто из переборок еще трое суток доносились странные шепоты, искажавшие

чужие фразы. После тех событий инспекторы распорядились накрепко забить все ревизионные отверстия коваными скобами.

Глеб вспомнил влажный кашель, донесшийся из стены номера двести четыре. По спине пробежал озноб.

- Мы с Митей слышали необъяснимый отзвук за досками полчаса назад, - произнес плотник, глядя на инженера. - Будто внутри деревянного короба кто-то затаился. И эти скрытые сто четырнадцать сантиметров по южному фасаду не дают мне покоя.

Родион отставил фаянсовую чашку, поправил продолговатые безоправные стекла на переносице и поднялся на ноги.

- Довольно суеверий, - уверенно отозвался инженер, кивая на защитный кейс. - Лазерный дальномер рассеет любые домыслы. Вековая лиственница неизбежно ссыхается, между дубовыми плашками сохраняются микроскопические щели в долю миллиметра. Если за обшивкой есть полость, фазовый прибор заглянет внутрь и выстроит цифровую модель каждого скрытого закоулка.

Поручив Агате присматривать за сыном, мужчины поднялись по винтовым дубовым ступеням. Родион нес углепластиковую треногу, а Глеб держал полевой ноутбук в магниевом корпусе. Наверху царила стужа. Воздух казался неподвижным, сохраняя аптечный запах старого воска. Череда оловянных номерков тускло мерцала в луче карманного фонарика. Под низкими сводами прохода висело давящее чувство чужого незримого надзора, будто сама толща стен внимательно прислушивалась к каждому шагу людей.

Инженер раздвинул ножки штатива посреди коридора, напротив спальни двести четыре, и зафиксировал барашки зажимов на уровне груди. На верхней площадке мягко загудел сервопривод. Зеркальная призма сканера начала круговое вращение, выбрасывая во все стороны невидимые глазу инфракрасные лучи с частотой в сотни тысяч импульсов за секунду. На дисплее ноутбука, установленного на деревянном ящике, побежали строчки системной калибровки.

- Пошла первичная сетка, - вполголоса заметил Родион, прильнув к монитору. Его рыжая борода подрагивала в такт словам. - Сейчас процессор отсечет паразитную засветку. Я убираю из кадра переднюю деревянную плоскость...

Клавиши сухо щелкнули под нажатиями. Светящаяся изумрудная россыпь на мониторе дрогнула, сбрасывая фасадный слой досок. Лучи, проникшие сквозь стыки панелей и замочные скважины, принялись прорисовывать невидимые внутренности дома. Программа окрашивала отраженные точки в градиент от холодной синевы до фосфорно-зеленого оттенка в зависимости от плотности преграды. Лазер высветил коленчатую оловянную трубку переговорного канала, уходящую вглубь шахты, и паутину, веками копившуюся между балками.

Глеб шагнул вперед, всматриваясь в мерцающую глубину дисплея.

На темном поле возник скрытый объем здания. За парадными филенками коридора отчетливо проявился длинный потайной рукав - замкнутый тоннель шириной чуть более полуметра, протянувшийся вдоль всего крыла «Б». Внутри полости висели тонкие тени: кованые тяги, металлические стяжки и раскосы несущего каркаса из просмоленного бруса. В глубине проема угадывалась старая известковая штукатурка, покрывавшая внешнюю каменную стену.

Но главное откровение ожидало исследователей мгновением позже, когда алгоритм завершил расчет пространственной геометрии высокой плотности.

Внутри тесного кармана, в двадцати сантиметрах позади обшивки, возле которой находились мужчины, зеленые световые точки обозначили четыре вертикальные фигуры.

Это были человеческие силуэты.

Они располагались цепочкой внутри запечатанной перегородки, один за другим в невероятной тесноте. Очертания казались пугающе вытянутыми, со сжатыми поникшими плечами, скошенными книзу под неестественным углом, будто гибкие сочленения могли легко скла-

дываться внутрь туловища для продвижения по узким лазам. У фигур не читалось деталей одежды: поверхность тел представлялась сплошной, без привычных швов или пуговиц. И все четверо застыли лицом к тыльным доскам, вплотную прижавшись к переборке на высоте собственного роста, точно вглядывались в древесину невидящими глазами.

В проходе воцарилось кладбищенское безмолвие, нарушаемое лишь ударами волн о скалы под фундаментом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.